

Х

«ОБЫДЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК» ВАЛЕРИЯ ГАВРИЛИНА

Степень яркости и узнаваемости композиторского стиля Валерия Гаврилина (а слушая его музыку, вы практически с первых тактов определяете ее автора) имеет два существенных практических последствия. Первое, безусловно, позитивное: слушатель воспринимает даже малоизвестное произведение Гаврилина как доброго старого знакомого, встреча с которым долгожданна и желанна. Так встречаются музыку Баха и Брамса, Чайковского и Рахманинова, Шостаковича и Малера.

С другой стороны, легкость, с которой наше восприятие снимает верхний слой содержания музыки автора «Перезвонов», демобилизует активность слушателя и настойчивость исследователя (а заодно и исполнителя) в поисках глубинного, потаенного смысла гаврилиных сочинений. Тем более что смысл этот композитор довольно часто скрывает за обытовленной интонацией, подчеркнутой простотой фактуры, порой откровенно «чувствительным» текстом, а иногда — едва ли не избыточной театрализацией музыкального повествования.

Как-то на одном из обсуждений «Перезвонов» я едва не был подвергнут бичеванию со стороны адептов «гаврилинского фольклоризма», когда заметил, что, по моему мнению, истоки метода Гаврилина следует искать (среди прочего) в наследии Шумана, Вольфа и — особенно — Малера. Надо заметить, упоминание последнего в связи с именем Гаврилина более всего возмутило моих оппонентов. Это было довольно давно, задолго до того, как сам композитор написал: «Я очень люблю Германию, не знаю, почему. Не знаю, откуда это у меня — может, через Петра I, может, через толстовского Карла Ивановича, может, через Гейне, может, через

Фейхтвангера. Во всяком случае, я очень волнуюсь, когда слышу что-нибудь о Баварии, о баварском пиве, и когда разглядываю картинки с изображением немецких танцев. Мне всё кажется, что это когда-то было около меня. А может, всё это от музыки Баха, или Шуберта, или Гайдна, потому что (так уж получилось) через них я нашел для себя понятие о подлинной народности в музыке»²⁶.

Со времени того обсуждения минуло более трети века. Но по-прежнему значительной части российских музыкантов с большим трудом удастся опознать в Гаврилине не столько талантливый бытописатель национального толка, сколько выдающегося представителя «русского европеизма».

Национальные, в частности, фольклорные истоки музыки Валерия Гаврилина лежат на поверхности. И это, как кажется, в значительной мере объясняет тот факт, что до сего дня недопустимо широкий круг исследователей творчества Гаврилина и исполнителей его сочинений остается глух к внутреннему, подлинному, потрясающему по своей глубине общечеловеческому трагизму многих его сочинений.

И дело здесь отнюдь не во «всемирной отзывчивости русской души». Гаврилин блестяще знал как русскую, так и западноевропейскую музыку. И это знание сквозит в каждом написанном им такте. В этой связи упоминание Малера на том давнем обсуждении сегодня, когда изучение наследия композитора становится всё более глубоким и разноаспектным, представляется еще более обоснованным.

Речь, разумеется, не идет о языковом или композиционно-драматургическом сходстве. Связь творческого метода Гаврилина с наследием автора «Песен странствующего подмастерья» обнаруживается в наличии общего героя — маленького, «обыденного человека» с его любовью, нежностью, надеждой, отчаянием, с его незащищенностью перед лицом жестокого и враждебного мира.

Впрочем, у Малера в этом плане был предшественник — Чайковский. Вспомним главную тему его Четвертой симфонии.

²⁶ Письмо Н. А. Шумской от 9 марта 1965 года // Гаврилин В. А. Слушая сердцем... Статьи. Выступления. Интервью / сост. Н. Е. Гаврилина. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2005. С. 21.

111 Moderato con anima (♩.= In movimento di Valse)

Cor. (F)

Archi

p

p espr.

p

p

p espr.

p

poco cresc.

poco cresc.

poco cresc.

poco cresc.

poco cresc.

poco cresc.

Ее генетический код, виртуозно спрятанный за прихотливостью мелодии и полной внутренних драматических подробностей оркестровкой экспозиционного построения, обнаруживает черты городского — в полушаге от «жестокоего» — романса. Эти «чувствительно-сентиментальные» предъёмы и задержания, повторяющийся из такта в такт (вальсовый) ритм, довольно простая, в сущности, гармоническая схема... Немного воображения, и перед нами —